

Протоіерей Іоаннъ Самойловичъ Лебедевъ.

(Некрологъ.)

(Окончаніе) (*).

Служебная карьера Ивана Самойловича, тянувшаяся около 60-ти лѣтъ (съ 1820 г.), представляетъ не мало чрезвычайно рѣзкихъ особенностей, похожихъ на несообразности и противорѣчія. И для педагогической дѣятельности и для службы по духовно-епархіальному вѣдомству обладалъ онъ, несомнѣнно, самыми блестящими, чрезвычайно рѣдкими и не въ его время въ той средѣ, въ которой вращался онъ и избралъ самъ себѣ дѣло, качествами. — Между тѣмъ его карьеру и педагогическую и священно-служительскую епархіальную — должно признать совершенно неудавшеюся, — такъ какъ будто онъ очутился совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ, взялся за дѣло на-обумъ — не имѣя ни внутренняго призванія, ни надлежащей подготовки ознакомленія съ этимъ дѣломъ. И такой судъ о почившемъ дѣятелѣ — можемъ и должны сказать съ глубокимъ убѣжденіемъ — будетъ вопіющею неправдою. Правда только въ томъ, что его силы и способности, дѣйствительно замѣчательныя въ высшей степени, добросовѣстность его отношенія къ принятому на себя дѣлу — съ полнымъ сознаніемъ его существа и значенія и требованій для его выполненія, именно по существу его, преданность къ избранному дѣлу искрення и ревностная до готовности на самоотверженіе, стали съ перваго разу и остались навсегда въ поразительно-рѣзкомъ противорѣчій съ внѣшними историческими условіями этого дѣла, съ его вѣками утвердившеюся постановкою. Ни прилаживаться къ этимъ условіямъ и постановкѣ дѣла и мириться съ ними, ни отрицать ихъ и бороться противъ нихъ по своимъ тоже весьма замѣчательнымъ личнымъ особенностямъ онъ не могъ, — вотъ и вышло что-то похожее на безысходное противорѣчіе и безплодный подвигъ подневольнаго страдальческаго безземлія!

Избралъ Иванъ Самойловичъ священническую епархіальную службу, когда имѣлъ полную возможность искать болѣе выгоднаго и виднаго мѣста, болѣе свободы и простора для своихъ не дюжинныхъ способностей и совсѣмъ не пригодныхъ на приходской священнической службѣ, сравнительно необыкновенно богатыхъ и разнообразныхъ свѣдѣній, — избралъ службу епархіальнаго приходскаго священника именно потому, что эта служба не представляетъ никакой общественной карьеры. Но въ замѣтъ того она, по его убѣжденію еще

(*). См. Астрах. Епарх. Вѣдом. № 14.

сь молодя утврдившемуся, не требуетъ и какой нибудь особенной силы, готовности на великую упорную и неустанную борьбу, словомъ—храбрости, которая города беретъ и на неподступныя твердыни лѣзетъ и сквозь житейскую толпу, кипящую соперничающими самолюбіями, интригами и пр. идетъ во всеоружіи и непрестанно насторожѣ съ замнемъ за паузой про встрѣчнаго ближняго. Природа, одаривъ его щедро разнообразными талантами, отказала въ одномъ—для житейской битвы главнымъ—который можно назвать гениемъ инициативы и борьбы для осуществленія въ практической жизни,—въ обществѣ своихъ идей, убѣжденій, цѣлей. Онъ и рѣшилъ избрать такое служебное поприще, которое своимъ существеннымъ, жизненнымъ содержаніемъ пришлось ему какъ-разъ по душѣ развитой подъ влияніемъ высоко-религіозной семьи шотландскаго миссіонера, которое съ другой стороны представляло самыя вѣрнѣйшія гарантіи для устройства тихой, въ тѣснотѣ семейномъ кругу задушевной, искреннѣйшей, не для блеска и парада жизни, а для жизни самой, для наслажденія жизнью. Задачу православнаго приходскаго священника вообще онъ находилъ себѣ симпатичною и по силамъ. Отъ всей души благоговѣнно вѣруя въ благодатную сущность и силу православнаго священно-дѣйствія съ его обрядами, церковнаго Богослуженія—въ основномъ его составѣ, онъ думалъ, что сможетъ дать настоящее значеніе обряду и составу Богослуженія своимъ священно-служеніемъ безъ надмѣнности и лицемерія, просто и искренно, по іерейской благоговѣнной совѣсти, руководясь въ этомъ основнымъ началомъ Ап. Павла—все благообразно и по чину, и что лучше пять словъ да съ умомъ и въ назиданіе, нежели многое да несмысленно и безъ пользы. Установить свои отношенія къ небольшому кружку давнихъ прихожанъ,—по своей мысли и требованію благодетнаго сердца,—искреннія задушевные ему не стоило большого труда: всѣ его съ дѣтства знали и любили; потому что съ дѣтства и до окончанія курса семинарскаго, онъ съ своимъ отцомъ непрестанно вращался въ ихъ средѣ по семейному и съ церковными требамъ на дому и за церковнымъ Богослуженіемъ въ храмѣ. Корпорация епархіальнаго управления, особенно ея глава была, конечно, строгая; но и передъ нею молодой еще неотвѣдавшій на себѣ воздѣйствія этого величія іерей сознавалъ себя на мѣстѣ неискательнаго, непритязательнаго совершенно безобиднаго и мирнаго приходскаго священника достаточно огражденнымъ отъ этой строгости своимъ безмолвнымъ смиреніемъ; предметы церковно-приходскаго дѣла, подлежащіе контролю епархіальной власти—думалось ему—и не хитры и не многосложны,

чтобы опасаться изъ за этого неприятностей свыше. Можно было при совершенномъ отсутствіи позова въ природѣ и привычкахъ выставяться на показъ, можно было по всему разсчитывать на тихое и безмолвное житіе. Такъ оно и вышло. Только надо прибавить—вышло такъ, что съ такими безпримѣрно скромными требованіями отъ избранной служебной карьеры, при особенностяхъ характера и убѣжденій Входеоіерусалимскій іерей съ перваго же разу сталъ въ средѣ городского духовенства особнякомъ; похоже было на то, какъ будто его и не примѣчалъ никто—ни рядовая братія, ни епархіальное начальство. Для всякаго другаго отъ этого было-бы тѣсно и обидно; Онъ-же этому былъ радъ; потому что покойнѣе, безопаснѣе. Неизвѣстно—самъ-ли онъ почему-либо пожелалъ перемѣститься къ другой—Петропавловской церкви, къ которой присоединена и церковь тюремнаго замка съ ея богомольцами, или же перемѣщенъ по распоряженію начальства—безъ его согласія: только служилъ при ней не долго и по просьбѣ возвращенъ снова къ Входеоіерусалимской. Нѣтъ сомнѣній,—поспѣшилъ онъ возвратиться къ своимъ первымъ дѣтямъ духовнымъ потому главнымъ образомъ, что созналъ отсутствіе въ себѣ силы и умѣнья, потребныхъ для пастырскаго воздѣйствія на такую паству, какова у насъ въ тюремныхъ замкахъ. Конечно и для самого себя не жданны, не желанно и негаданно попалъ онъ въ присутствующіе Консисторіи. За протоколами и журналами оказался дѣльцомъ не только не подходящимъ, но просто невозможнымъ.—Онъ, кажется, вѣровалъ, что консисторскія дѣла не только можно, а и должно рѣшать по человѣческому разумѣнію и совѣстному—личному убѣжденію,—помимо регламентовъ и инструкцій; къ тому-же и слогомъ консисторскимъ онъ не владѣлъ, да и вообще имѣлъ несчастное, необъяснимое свойство излагать свои мысли на бумагѣ очень затѣйливо. Его поэтому откомандировали для разбора дѣлъ архивныхъ съ цѣлію—освободить тѣсное архивное помѣщеніе отъ накопившагося хлама и оставить дѣла только потребныя на какіе-либо возможные случаи или же особенно важныя по важности содержанія. Иванъ Самойловичъ былъ радъ этому новому занятію въ архивной пыли и плесени; но распорядился тутъ на полной и безконтрольной свободѣ чрезвычайно своеобразно. Онъ нашелъ два сорта дѣлъ: однѣ съ пустыми безобидными формальностями, неизмѣнно идущими изъ году въ годъ; другія наполнены и переполнены злостными клевами, мерзостями скандальными, возмутительными. Первые онъ сохранилъ для потомства или на съѣденіе крысамъ (какъ выражался самъ покойный); но

последнія—всѣ, какія попадались ему на глаза и обслѣдованы, конечно, съ крайнею брезгливостью, осуждались безпощадно къ сожженію. Когда замѣтили при случаѣ объ этой расправѣ съ консисторскимъ архивомъ и высказали сожалѣніе, что многое т. е. содержательное и для будущаго историка характерное теперь утрачено, покойный отвѣчалъ: „Помилуйте! Какъ возможно беречь документы объ этихъ мерзостяхъ? Божій судъ давно совершился надъ ними и, чаятельно, изгладилъ; а тутъ какой-нибудь черезъ сотни лѣтъ будетъ поднимать такую вонючую грязь и забрасывать ею покойниковъ! Какъ можно!“ Эта брезгливость къ мерзостямъ дѣль человѣческихъ однажды повела его подъ серьезную грозу.—Дѣло было такъ: у Ивана Самойловича былъ дурной причетникъ, часто и много причинявшій ему оскорбленій своею несправедливою по церковно-служенію. Избыть его онъ не могъ, но и выносить его оскорбленія молча также не могъ и, конечно, озлоблялъ его своими вспыльчивыми внушеніями. Готовившаяся къ таинству причащенія духовная дочь его—особа образованная, очень молодая, неглибая просила духовнаго отца дать ей молитвословъ для прочтенія молитвы на дому и указать эти молитвы. Иванъ Самойловичъ, въ присутствіи своего причетника, указывая вопрошавшей порядкомъ вечерняго и утренняго приготовительнаго къ причащенію правила, остановился на одной молитвѣ Меѳафраста, гдѣ помѣщены два каталога ужасныхъ—даже противоестественныхъ человѣческихъ мерзостей и, замѣтивъ, что этого ей читать не нужно, вырвалъ изъ молитвослова листы съ этою молитвою и въ такомъ видѣ передалъ молитвословъ, а листы вырванные откинулъ на подоконникъ. По выходѣ его изъ храма, причетникъ подобралъ вырванные листы, настроичилъ обстоятельный, съ прибавленіями своего измышленія, доносъ и представилъ его съ полиціямъ начальству. Дѣло это, благодаря только особенной случайности, оставлено безъ послѣдствій. Въ шестидесятыхъ годахъ преосвященный Аванасій поручилъ Ивану Самойловичу приготовительныя работы по устройству и скорѣйшему открытію женскаго епархіальнаго училища. Организаторомъ учебно-воспитательныхъ заведеній (порученное ему предполагалось закрытое) и уставщикомъ онъ никогда не былъ, да и не могъ быть; но здѣсь ему и не приходилось брать на себя эту обузу бумажную; для сего былъ и особый комитетъ при консисторіи подъ предсѣдательствомъ ректора семинаріи, созывались въ консисторію и экстренныя собранія всего градскаго духовенства съ участіемъ представителей мѣстной духовно-учебной педагогической корпораціи для

обсужденія проекта положеній училищнаго устава. На долю Ивана Самойловича досталось порученіе: заняться ни мало немедля, независимо отъ консисторіи, комитета и соборныхъ разсужденій, окончаніемъ дѣла о покупкѣ избранныя подъ училище дома, приготовленіемъ его къ помѣщенію на первый разъ 10—12 пансіонерокъ-сиротъ, устройствомъ всего необходимаго для ихъ содержанія, заготовкою всѣхъ принадлежностей первоначальнаго пока обученія (въ составъ перваго курса училища преосвященный указалъ избрать малолѣтнихъ дѣвочекъ-сиротъ изъ деревень). Этому порученію радъ былъ онъ неслыханно и между прочимъ потому, что могъ приступить къ дѣлу неожиданная приказовъ и инструкцій. Дѣло у него закипѣло. Домъ приспособленъ къ помѣщенію учебнаго заведенія, снабженъ веѣми хозяйственными и учебными принадлежностями. Готовы были хоть разнокалиберныя и сбродныя парты, скамьи, табуреты, столы койки, постельные приборы, бѣлье, платья, обувь, кухонная и столовая обстановка и проч. Иконостасъ, хранившійся въ верхней Архіерейской молельнѣ, приспособленъ къ домовою церкви. Потребныя матеріалы, конечно, были частію куплены, частію собраны въ видѣ вышедшей изъ употребленія домашней или школьной рухляди; но все это прошло черезъ руки единственнаго мастера на всѣ руки—столяра, красильщика, плотника, закройщика. Черезъ 10-ть лѣтъ, когда въ этомъ училищѣ было ужъ до ста воспитанницъ, и помѣщеніе оказывалось уже крайне недостаточнымъ, а нижній этажъ и неудобнымъ отъ сырости, мы нашли еще всѣ устроенныя руками Ивана Самойловича долгосрочныя школьныя и хозяйственныя принадлежности и домовую церковь въ томъ видѣ, какъ все имъ устроено и скрѣплено,—даже голубая краска на мебели уцѣлѣла. Все это приготовлено имъ неизмовѣрно быстро. Преосвященный вызвалъ пансіонерокъ, нарядилъ имъ въ начальницу казначею мѣстнаго монастыря, освятилъ домовую церковь и открылъ торжественно училище. Иванъ Самойловичъ очутился во главѣ ближайшаго училищнаго начальства. Но не желая продолжать эту службу, онъ попросилъ освободить его отъ оной. Владыка просьбу призналъ резонною и старецъ получилъ увольненіе.

Приходскій священникъ долженъ быть служителемъ Слова Евангельскаго, проповѣдать благовременно и безвременно. Иванъ Самойловичъ обязанность эту долженъ былъ исполнять по крайней мѣрѣ первые тридцать лѣтъ—на службѣ приходской. Эту обязанность онъ признавалъ обязательнѣе всѣхъ даже другихъ, но исполнялъ

ее по своему—только въ интимной бесѣдѣ, въ тѣсномъ домашнемъ кругу, на духу; и никогда никто не помнитъ, чтобы онъ по своей охотѣ не въ указанную очередь проповѣдничалъ въ своей приходской церкви по праздникамъ напр. предъ церковнымъ собраніемъ. Очередныя проповѣди, по назначенію начальства, онъ готовилъ, представлялъ и можетъ быть произносилъ (намъ не приходилось слышать). Но его форменныя проповѣди и не на нашу современную вкусъ—представляютъ безвкусную пестроту. И онъ будто простодушно держался той вѣры, что парадныя проповѣди иначе и не могутъ и не должны являться на духовную цензуру, какъ въ этомъ нарядѣ. Между тѣмъ астраханскоградское духовенство знаетъ близко, непосредственно—каждый по личному опыту, что покойный обладалъ способностью говорить прекрасно—необыкновенно просто и естественно, чрезвычайно живо, мѣтко, задумчиво, нетеряясь и не разбрасываясь, стройно и отчетливо, съ полною свободою и самообладаніемъ. Содержаніемъ его бесѣды было цѣльное, живое и жизненное православное богословіе. Такъ бесѣдовалъ съ нами покойный на духу; такъ называемыя общія отвлеченныя положенія исходили изъ устъ его полными живаго, возбуждающаго къ живой работѣ душу, смысла. Онъ былъ свѣтлый, строго-православный богословъ и глубокой душевѣдъ. Именно тутъ—въ качествѣ духовника—былъ онъ совершенно на своемъ мѣстѣ, именно тутъ—на мѣстѣ духовника—открывалась его прекрасная душа съ прекраснымъ богатствомъ своего содержанія, съ своими чистыми помыслами и стремленіями, съ своими воззрѣніями и убѣжденіями; и все это лилось живымъ потокомъ прекрасныхъ рѣчей; а передъ публикою и начальствомъ онъ всегда сжимался, прятался въ непроницаемую раковину и въ ней беззвучно замыкался.

По окончаніи семинарскаго курса, Иванъ Самойловичъ началъ свою служебную дѣятельность съ духовнаго училища; былъ на педагогической службѣ 35 или болѣе лѣтъ; очень короткое время былъ законоучителемъ въ мѣстной гимназіи; закончилъ педагогическую карьеру на должности преподавателя татарскаго языка въ духовной семинаріи. Неправильно никакого понятія о его учительствѣ въ духовномъ училищѣ,—то было слишкомъ давно; его ученики, по всей вѣроятности, и доселѣ есть на лицо между лицами даже градскаго духовенства; ни отъ кого изъ нихъ не приходилось слышать о своемъ учителѣ ни худаго ни добраго слова. Изъ этого можно выводить, что его служба въ училищѣ была безцвѣтная, ни по чему не примѣчательная, и памяти по себѣ не оставила. А по догадкамъ, на основаніи его личнаго характера,

можно сказать, что онъ потому и не памятенъ, что не далъ и не могъ дать по себѣ памяти, какъ его сослуживцы до тридцатыхъ, даже до сороковыхъ годовъ.—Ученики его не боялись; готовили уроки по его предмету спусти рукава. Въ семинаріи предметъ его былъ не обязательный; успѣхи по нему ничего не общали; безуспѣшность ничѣмъ не грозила; ни начальство и никто изъ наставниковъ ничего не смыслили по нему и не обращали на него вниманія. Преподаватель татарскаго языка отбывалъ свою службу неупустительно— вотъ все, что могло сказать семинарское начальство, что сказала о себѣ и самъ покойный преподаватель, прибавивъ къ этому, что отбылъ добросовѣстно службу совершенно безплодную (въ томъ не его вина) и потому можетъ получать пенсію въ 85 р. 71¹/₂ к. съ покойною совѣстью, — безцѣльный и безплодный, но тщательный трудъ обходится душѣ мыслящей и чувствующей дороже, особенно когда онъ отбывается по наряду подневольному.

Иванъ Самойловичъ могъ быть рѣдкимъ, безпримѣрнымъ воспитателемъ и образователемъ учениковъ, съ которыми имѣлъ возможность сблизиться по семейному.—Вотъ фактъ, очень рѣдко выдающійся! Въ пятидесятыхъ годахъ градскимъ головою въ Астрахани былъ нѣкто Ф. Г. Голиковъ — коммерсантъ одинъ изъ капиталѣйшихъ. Привелось ему довольно долго и по разнымъ предметамъ и запросамъ бесѣдовать съ какою-то высокопоставленною особою, командированною для обревизованія провіантской, а можетъ быть и другихъ частей, подлежащихъ вѣдѣнію начальника губерніи. Сановникъ разставаясь съ градскимъ головою, по любопытству охотился освѣдомиться: въ какомъ учебномъ заведеніи онъ получилъ такое многостороннее и основательное образованіе? (градской голова былъ дѣйствительно человекъ рѣдкаго ума и многостороннихъ свѣдѣній). „Ни въ какомъ“ — былъ отвѣтъ. Какъ ни въ какомъ? А просто—у здѣшняго священника! Этотъ священникъ былъ Иванъ Самойловичъ Лебедевъ: онъ обучалъ всѣмъ предметамъ и, кажется, двумъ европейскимъ языкамъ—французскому и нѣмецкому и воспитывалъ сына и дочь (бывшую впоследствии въ супружествѣ съ здѣшнимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, доселѣ здравствующую) у богатаго астраханскаго купца Григорія Голикова. Съ своимъ ученикомъ онъ былъ въ короткихъ, самыхъ простыхъ и душевныхъ отношеніяхъ до его ранней кончины; ученику видѣлъ въ послѣдствіи, кажется, разъ, когда принимая отъ нея домъ купленный для епархіальнаго женскаго училища, при чемъ получилъ отъ нея въ подарокъ будущему училищу уступку 500 р. изъ условленной цѣны за домъ.

На память духовнымъ дѣтямъ покойнаго, дѣтски-безхитростнаго, беззлюбиваго и непамятозлюбиваго, сокровеннаго въ глубинѣ безпримѣрнаго смиренія старца, закончу его характеристику перечисленіемъ, хотя далеко не полнымъ, его талантовъ, изъ которыхъ всякій другой сдѣлалъ бы блестяще-прибыльное употребленіе, но которые всѣ обращены только на домашнее одинокое пользование и не по эгоизму.

Изъ древнихъ языковъ Иванъ Самойловичъ зналъ порядочно еврейскій— настолько, что могъ повѣрить правильность Лютерова-нѣмецкаго и Иеронимова-латинскаго переводовъ библіи по тексту подлинному—начальному; отлично владѣлъ латинскимъ, какъ всѣ лучшіе воспитанники старой семинаріи; успѣлъ въ изученіи греческаго настолько, что по окончаніи семинарскаго курса, назначенъ преподавателемъ въ духовное училище; англійскимъ языкомъ въ первые годъ своей службы владѣлъ какъ роднымъ, впоследствии— не имѣя съ кѣмъ говорить—поддерживалъ знаніе его только чтеніемъ англійской библіи; на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ читалъ свободно книги, но никогда не говорилъ; по татарски говорилъ также свободно, какъ природный татаринъ и при помощи татарскаго прочелъ коранъ на арабскомъ языкѣ съ достаточнымъ (какъ повѣрялъ по переводамъ) разумѣніемъ; подъ старость началъ было изучать калмыцкій языкъ; письмо разбиралъ, но далеко-ли успѣлъ въ разумѣніи читаемаго—неизвѣстно. Обладалъ значительнымъ запасомъ свѣдѣній по естественнымъ наукамъ. Зналъ толкъ въ музыкѣ; изъ музыкальныхъ инструментовъ освоился въ совершенствѣ съ старинными гуслями, которыя и устроилъ для себя самъ до послѣдней части за исключеніемъ металлическихъ струнъ и вшитовъ, на которыхъ нервы натягиваются. Самъ себѣ кроилъ и шилъ кавталы, ряски, камилавки, сапоги. Самъ приготовлялъ себѣ кабинетную мебель, украшалъ свой кабинетъ живописью по стекламъ, хорошо воспитывалъ комнатныя деревья и цвѣты, приготовлялъ для себя розовую воду, стряпалъ пшучіе изъ ягодъ наптки, варенья даже изъ арбузныхъ корокъ. Всего и не перечести! Вотъ не успѣлъ состригати себѣ какого-нибудь салоката, когда отказались служить ноги, да и то потому, что руки ужъ не служили. Да упокойте Господь твою многохлопотливую, многострадальную, беззлюбивую душу, прекрасный старецъ— безхитростное дитя!

Законоучитель Гимназій, протоіерей Григорій Покровский.